

Глава 36. Л Limerick

"Хм, что это за каверзные вопросы? Это всего лишь тривиальные трюки, простое выпендрёж своей словесной ловкости", - ворчал Цзи Чан, явно испытывая большое негодование по поводу этих загадок.

Цинь Гуань дважды хихикнул и сказал: "Тогда не будем говорить об этих вопросах. Кстати, брат Цзи Чан, ты же обычно утверждаешь, что прекрасно разбираешься в литературе. Как же так получается, что ты не можешь сочинить даже простое стихотворение?"

"Я... я...", - лицо Цзи Чана покраснело, когда он пробормотал, - "Я просто не смог быстро приспособиться и немного нервничал, вот и всё. К тому же, тема, которую ты вытянул, была лёгкой, а моя была более сложной."

Наблюдая за его выражением лица, Линь Ваньжун понял, что, вероятно, Цзи Чан был продуктом заучивания, негибким и неспособным адаптироваться. В его предыдущем мире его бы считали продуктом системы образования, ориентированной на сдачу экзаменов, хорошо запоминаемой в обычных обстоятельствах, но совершенно сбивающей с толку на экзаменах.

Цинь Гуань тоже явно не был святым. Услышав, как Цзи Чан принижает его тему перед другими, его лицо потемнело, и он холодно усмехнулся в ответ: "Брат Цзи Чан, что ты говоришь за ерунду? Четыре темы - ветер, цветы, снег и луна - любую из них можно вытащить для сочинения стихов. Я вытащил ветер, а ты вытащил снег, и все это видели. Как ты можешь говорить, что моя тема была лёгкой, а твоя - сложной?"

Продолжая, Цинь Гуань начал декламировать своё стихотворение с преувеличенными жестами:

"В прошлом году порыв ветра, такой слабый,

Скрывался глубоко в ночном переулке.

Зов не был услышан, эхо не найдено,

Его тень пришла и ушла, не связанная,"

Его лицо было полно самодовольного удовлетворения, он явно был доволен своим "выступлением" на экзамене.

Линь Ваньжун хотел рассмеяться, но не посчитал это уместным. Это считалось поэзией? С его талантом он мог бы создать три таких стихотворения за время, которое он потратил на то, чтобы испустить газы.

Цинь Гуань хвастался: "Брат Цзи Чан, только что в экзаменационном зале у тебя был временный сбой. Интересно, разобрался ли ты сейчас, сможешь ли ты прочитать своё стихотворение, взяв за основу снег?"

На лице Цинь Гуаня появилось пренебрежение. Поговорка "литераторы презирают друг друга" оказалась верной, так как он знал, что Цзи Чан был хорош только в заучивании. Если бы ему дали несколько дней, он, возможно, и смог бы слепить стихотворение, но ему явно не хватало остроумия, необходимого в данной ситуации.

Лицо Цзи Чана то краснело, то бледнело, и было очевидно, что он до сих пор не мог создать

стихотворение на тему снега.

Линь Ваньжун изначально хотел только спросить о заявлениях учёных на вакансию. Однако, увидев агрессивное поведение Цинь Гуаня, он был глубоко недоволен. Что касается Цзи Чана, то его отсутствие конкурентоспособности было разочаровывающим. Проколебавшись долгое время, он так и не смог произнести ни одной строки стиха.

Сам Линь Ваньжун любил подшучивать над честными людьми, но он не мог вынести, когда их притесняют в его присутствии. Он молча прочитал в уме несколько строк, а затем громко рассмеялся: "Такое лёгкое стихотворение даже деревенщина вроде меня может придумать. Я думаю, что молодой господин Цзи, должно быть, скромнен. Как насчёт этого, позвольте мне прочитать один, а вы, молодой господин Цзи, пожалуйста, поправьте меня, если я ошибаюсь".

Увидев удивление на лице Цинь Гуаня, Линь Ваньжун обрадовался, подумав: "Ты, маленький паршивец, ты не можешь постичь глубину этого истинного таланта".

Линь Ваньжун прошагал несколько шагов и с ухмылкой прочитал:

"На реке снег сплёлся,

Яма колодца мрачная, где тьма льётся.

Жёлтые собаки надевают белые шубы,

А опухшие массы приобретают белых собак."

Это был настоящий лимерик. Сначала Линь Ваньжун смутился, но, учитывая, что Цинь Гуань посмел назвать свою чушь стихом, Линь Ваньжун бесстыдно короновал себя в своём сердце бессмертным поэтом.

"Замечательное стихотворение, великолепно!"—воскликнул Цзи Чан, хлопая в ладоши маленьким веером,— "На реке снег запутал' описывает сцену снежинок, покрывающих реку, представляя отдаленный ландшафт. Затем фокус смещается на колодец во дворе, покрытый чисто-белым снегом, показывая глубокую темную дыру. «В то время, как вздутые толпы белых собак приобретают', по-настоящему вдохновенная последняя строка, превращающая статичную заснеженную сцену в живых существ. В этом стихотворении уместные метафоры и глубокий художественный замысел. Хотя слово «снег» никогда не упоминается, оно передает атмосферу сильного снегопада. Это поистине редкий шедевр. Никогда нельзя судить о книге по обложке или измерять океан пинтовой кружкой. Ваша глубина поистине неизмерима, сэр!"

Несмотря на то, что Цзи Чан не мог сочинять стихи, его анализ был удивительно связным, исследуя далекие и близкие перспективы, превращая статику в динамику и противопоставляя художественные замыслы. Если бы он был во времена Линь Ваньжуна, он, без сомнения, был бы превосходным комментатором.

Сдерживая смех, Линь Ваньжун притворился скромным, "Вы льстите мне, я стыжусь, поистине стыжусь— "

Легкий смешок прервал его. Повернув голову, Линь Ваньжун увидел, как неподалеку стоит хорошенькая молодая девушка, прикрывающая губы улыбкой, явно насмешенная его шуточным стихотворением.

"Так это ты", — улынулся Линь Ваньжун. Эта девушка была той, что купила его книжицу

накануне.

Увидев хорошенькую девушку, глаза Цзи Чана и Цинь Гуана загорелись, они поспешно скрыли свои волчьи взгляды. Они вежливо подошли к ней, "Мисс, меня зовут Цзи Чан (Цинь Гуан). Могу ли я спросить, откуда вы, ваш возраст, и замужем ли вы— "

Линь Ваньжун был ошеломлен, его рот широко раскрылся, он не ожидал, что эти двое будут столь смелыми и резкими в своих вопросах. Разве они не боялись навлечь на себя беду, флиртуя с девушками?

Молодая девушка залилась густым румянцем и тихонько выругалась, "Что за глупости вы говорите?"

Линь Ваньжун от души рассмеялся и сказал, "Мисс, они пытаются за вами поухаживать. Разве вы не видите этого?"

Лицо девушки стало ярко-красным, она указала на Линь Ваньжуна и сказала, "Вы, вы бесстыжий негодяй! Я не оставлю вас безнаказанным!" Затем девушка развернулась, прибавила шагу и быстро убежала.

Как я снова стал бесстыжим негодяем? — подумал Линь Ваньжун, чувствуя себя несправедливо обвиненным. В прошлый раз, когда Сяо Цинсюань ругала его, это было несколько оправдано, поскольку он воспользовался ситуацией. Но на этот раз он всего лишь произнес одну фразу и снова был назван негодяем. Чувствуя себя оскорбленным, он подумал: Почему бы ей не поругать этих двух бесстыдных толстокожих мужчин вместо меня? Что это за мир?

На самом деле, Линь Ваньжун неправильно понял ситуацию. Хотя правило, что мужчины и женщины не должны иметь физического контакта, было незыблемым, в эту эпоху возможности для общения мужчин и женщин были ограничены. Поэтому, когда талантливые мужчины с романтической жилкой встречали женщину, которая им нравилась, они обычно подходили и начинали разговор. Шансы у женщин встретить подходящего жениха были еще более редкими, так что если кто-то проявлял интерес и они считали человека привлекательным, могло произойти все что угодно. Молодая девушка, все еще неопытная в таких вопросах, смутилась и разозлилась, поспешно отвернувшись.

Не осознавая ситуации, Линь Ваньжун увидел, как Цзи Чан и Цинь Гуан тоскливо смотрят в том направлении, куда ушла девушка. Не питая симпатии к этим двум истинным "негодьям", он хмыкнул и ушел без единого слова, так как уже поздно.

Домашний персонал, выбранный семьей Сяо, должен был переехать на следующий день. Сегодня им давали время упаковать свои вещи, а завтра они должны были переступить через величественные ворота семьи Сяо, о которых они мечтали. Большинство из них были взволнованы, потому что как только они присоединятся к семье Сяо, у них будет прочное положение в мире домашнего персонала. При упорной работе у них могли бы появиться даже большие возможности для продвижения по службе.

Единственным исключением был Линь Ваньжун. Мысль о том, что с завтрашнего дня ему предстоит прислуживать престарелой госпоже и господину из семьи Сяо, повергла его в крайнее уныние, заставив пожелать найти место, где он мог бы излить свое разочарование. Он клялся именем бога, что если бы знал дорогу в публичный дом, то в этот самый момент лежал бы там с тремя девушками под собой.

<http://tl.rulate.ru/book/83172/3967703>